

ЕВГЕНИЙ ЖАРИНОВ

ЕВГЕНИЙ ЖАРИНОВ

ОТ ШЕКСПИРА
ДО АГАТЫ КРИСТИ

КАК ЧИТАТЬ
И ПОНИМАТЬ КЛАССИКУ

Издательство АСТ
Москва

УДК 82.0 (075.8)
ББК 83.3 (0)
Ж34

Статьи «Образ доктора Фауста как один из ключевых образов мировой литературы», «Договор с дьяволом как знак целой эпохи», «Охота на ведьм» как одно из проявлений "светлой" эпохи Возрождения» написаны Николаем Евгеньевичем Жариновым. Статья «Роман-фельетон XVIII-XIX вв. и современный телесериал» написана Станиславом Евгеньевичем Жариновым.

Жаринов, Е.В.

Ж34 От Шекспира до Агаты Кристи. Как читать и понимать классику / Евгений Жаринов. — Москва : Издательство АСТ, 2018. — 480 с. — (Звезда лекций).

ISBN 978-5-17-109003-6

Как чума повлияла на мировую литературу? Почему «Изгнание из рая» стало одним из основополагающих сюжетов в культуре возрождения? «Я знаю всё, но только не себя», — что означает эта фраза великого поэта-вора Франсуа Вийона? Почему «Дон Кихот» — это не просто пародия на рыцарский роман? Ответы на эти и другие вопросы вы узнаете в новой книге профессора Евгения Жаринова, посвященной истории литературы от самого расцвета эпохи Возрождения до середины XX века. Книга адресована филологам и студентам гуманитарных вузов, а также всем, кто интересуется литературой.

Евгений Викторович Жаринов — доктор филологических наук, профессор кафедры литературы Московского государственного лингвистического университета, профессор Гуманитарного института телевидения и радиовещания им. М.А. Литовчина, ведущий передачи «Лабиринты» на радиостанции «Орфей», лауреат двух премий «Золотой микрофон».

УДК 82.0 (075.8)
ББК 83.3 (0)

Научно-популярное издание

16+

Звезда лекций
Евгений Жаринов
ОТ ШЕКСПИРА ДО АГАТЫ КРИСТИ
КАК ЧИТАТЬ И ПОНИМАТЬ КЛАССИКУ

Все права защищены. Ни одна часть данного издания не может быть воспроизведена или использована в какой-либо форме, включая электронную, фотокопирование, магнитную запись или какие-либо иные способы хранения и воспроизведения, без предварительного письменного разрешения правообладателя.

Подписано в печать 20.04.2018. Формат 60x90 1/16
Печать офсетная. Усл. печ. л. 28. Тираж 2000 экз. Заказ №

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги и брошюры

Ведущий редактор Анна Рахманова; корректор Ирина Мокина
Технический редактор Татьяна Тимошина; компьютерная верстка Анны Грених

ООО «Издательство АСТ»
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, строение 1, комната 39.

ISBN 978-5-17-109003-6

© Жаринов Е.В., Жаринов Н.Е., Жаринов С.Е., текст, 2018
© ООО «Издательство АСТ», 2018

ЧАСТЬ III

Возрождение

Эпоха Возрождения характеризуется, прежде всего, распадом общинно-христианского сознания Средневековья и рождением титанической личности, т.е. человека эпохи Возрождения, который получил своё графическое воплощение в виде так называемого Витрувианского человека Леонардо да Винчи.

В связи с этим мы выделяем три основных этапа эпохи европейского Возрождения

Первый этап — это XIV — нач. XV вв. — характеризуется расслоением и распадом средневековой общей культурной зоны (когда личность была только одна — Бог): это значит, что, например, в Испании и Франции создается железный режим мощного феодального государства, а в Италии бурно растет капитал. В самой Италии наряду с Франческо Петраркой и создателем европейской новеллы Джованни Боккаччо существует архаичнейший, будто из какого-нибудь десятого века вышедший Франко Саккетти, но процесс уже запущен. Вне Италии пока еще отсутствует и осознание своего времени как поворотного пункта в истории, отсутствует еще и сама идея возрождения античной классики, хотя интерес к античности усиливается. Усиливается и интерес к собственному творчеству и национальным традициям, фольклору, языку наконец.

Второй этап начинается с середины XV в. Тут происходят три важных события: падение под напором ислама Византии со всеми вытекающими для Европы последствиями; окончание Столетней войны между французами и англичанами с полной переориентацией европейской политики и изобретение книгопечатания. Книга в современном её виде насчитывает всего 500 лет своей истории. Именно книгопечатание является основой того, что возникает книжная цивилизация. Книга становится активным источником знания, распространения информации и резервуаром коллективной памяти. На смену устному преданию и мифологии Средних веков приходит зафиксированная фактология. Именно напечатанная кни-

га лежит в основе так называемой Протестантской революции, которая будет инициировать и научное мышление, и развитие капиталистических отношений (М. Вебер. Протестантская этика и дух капитализма).

С развитием книгопечатанья авторитет итальянской культуры быстро становится всеобщим. Идеи гуманизма, возрождения античности, созданные титаническими усилиями трех светочей человечества — Данте, Петрарки и Боккаччо — подхватываются представителями других стран Европы. В результате чего разрушается старая неприступная крепость феодально-церковной идеологии, уступая идеологии гуманизма, подтверждающейся не только литературой и искусством, но и обилием всевозможных научных открытий и расширением географических горизонтов. Эта эпоха не случайно ещё названа эпохой Великих географических открытий. Политические писатели Макиавелли, Гвиччардини открывают закономерности исторического развития. Философы Фичино, Мирандола, ла Раме возвращают интерес к величайшему древнегреческому мыслителю Платону. Лоренцо Валла, Деперье, Лютер пересматривают религиозные догмы.

В этот период складывается новая система литературных жанров, развивается до образцовых форм появившийся на рубеже XIII в. в Сицилии сонет, трансформируются и приобретают окончательную форму античные оды, элегии, эпиграммы. Появляется публицистика, наиболее ярким представителем которой будет М. Монтень.

В этот период в словесности на первый план выдвигается проза, происходит настоящее рождение романа, условно говоря, реалистического: Ф. Рабле, Т. Нэш, М. Сервантес, М. Алеман, высшего расцвета достигает новелла: Боккаччо, Мазуччо, Маргарита Наваррская, тот же Сервантес, наконец, появляются мемуары. Не исповедь, известная еще со времен Августина, а лишённые всякой экстатической исповедальности житейские заметки частного человека о самом себе: Б. Челлини, П. Брантом.

Третий период проходит в обострившейся и усложнившейся политической и идеологической ситуации: с середины XVI в. по всей Европе прокатывается волна Контрреформации. Испания становится оплотом католицизма и феодализма, в Италии

свободные города превращаются в маленькие монархии, крепнет власть князей в Германии, вводится «Индекс запрещенных книг», разворачивают свою деятельность иезуиты, утверждается инквизиция, Франция раздирается на части борьбой соперничающих феодальных группировок в период религиозных войн. На смену открывшимся горизонтам и перспективам, надеждам и мечтаниям возвращаются из глубины веков скептицизм и даже стоицизм. Глубокими трагическими тонами окрашивается творчество Монтеня, Камюэнса, Тассо, поздних Микеланджело, Сервантеса, Шекспира. Писатели, художники и философы синтезируют пережитое и не только лично ими, но в целом эпохой, подводят итоги, описывают закат. На смену классическому ренессансу приходит причудливый, минорный, надломленный маньеризм. Таковы общие черты эпохи Возрождения в Европе.

Возрождение возникает в европейской культуре по разным причинам. Во-первых, экономическим и политическим. Рост городов разрушал феодальный принцип хозяйствования, основанный не на капитале, а на власти земли. Города же развивали товарно-денежные отношения. Они были подчинены власти не феодалов, а власти гильдий различных ремесленников. Создавались все условия для развития так называемого спекулятивного капитала. Ренессанс, можно сказать, возникает на берегу реки Арно, во Флоренции и не без влияния банковского капитала семьи Медичи. Однако этот процесс, приведший к усилению власти городов, был весьма болезненным и выглядел он приблизительно так.

По мере того как приближалась эпоха Возрождения, один кризис за другим вторгался в жизнь Западной Европы. В XIII в. потерпела полную неудачу самая грандиозная авантюра феодального средневековья — Крестовые походы. Ослабевала власть императора «Священной Римской империи», основанной в X веке королем Оттоном I (так в средние века называлось Германское государство). Во второй половине XIII в. империя теряет власть над Италией. В самой Германии реальная власть постепенно переходит к территориальным князьям. Даже церковь, которая никогда не была так сильна, как в средние века, начала под влиянием новых обстоятельств шататься и постепенно утрачивать свою незыблемость и монолитность. Тревож-

ным симптомом явилось так называемое «Авиньонское пленение пап» (1309–1377), т.е. перенос под нажимом французского короля папской резиденции из Рима на юг Франции, в Авиньон. Ведь для современников Рим был не просто географическим понятием. С «Вечным городом» связывалась идея вечности и незыблемости церковной столицы, а следовательно, и всей христианской церкви. Подошли времена «Великого раскола», ознаменованного ожесточенными раздорами в самой папской курии. Приближалась Реформация. Падение могущества империи и церкви подняло значение итальянских вольных городов, которые к XIV в. уже превратились в большую экономическую и политическую силу. Не являясь единым национальным государством, Италия представляла собой нагромождение множества независимых республик и монархий. На севере, в Ломбардии и Тоскане, располагались самые богатые и экономически развитые города-республики. Среднюю Италию занимала папская область с Римом в качестве столицы. Это был довольно отсталый, в основном земледельческий район. После того как папа в 1309 г. покинул свою древнюю резиденцию, папская область пришла в еще больший упадок. Одним из важных результатов развития городской культуры явилась резко возросшая роль людей умственного труда, появление интеллигенции, независимой от монастырей и рыцарских замков. Эта новая социальная прослойка, включавшая юристов, инженеров, врачей, публицистов, «мастеров свободных искусств», и закладывала основы многообразной культуры Возрождения. Всех их окрыляла вера в человека, который начал сбрасывать с себя тяжелый груз традиционных воззрений, превращавших его в бесправного слугу небесных или сословных сил.

Но помимо экономических условий возникновения Ренессанса были еще и причины, которые следует уже рассматривать в свете теории этногенеза Вернадского-Гумилёва. Речь идёт о пандемии так называемой Чёрной Смерти, которая унесла около двух третей населения Земли. Была ли это чума, или речь шла о другом каком-то катастрофическом заболевании, мы сейчас точно определить не можем, но факт остаётся фактом: человечество в середине XIV века столкнулось с настоящей биологической катастрофой, изменившей весь уклад прежней жизни и, в буквальном смысле, похоронившей средневековые

представления о мире. Этот факт зафиксирован в таком культовом произведении всего европейского Ренессанса, как «Декамерон» Боккаччо. Начинается знаменитый десятидневник с описания эпидемии чумы во Флоренции, правда, справедливости ради, надо сказать, что описание это заимствовано из «Истории» Фукидида. Сам Боккаччо во время чумы в городе не был, но, будучи человеком ориентированным на античное наследие, он просто позаимствовал известный текст для того, чтобы создать нужный живописный эффект. Этот приём был известен ещё с античности и называется он экфрасисом.

Боккаччо «Декамерон»

Итак, «Декамерон» начинается знаменитым описанием флорентийской чумы 1348 года. Мрачный трагический колорит этого описания эффектно контрастирует с весёлым жизнерадостным настроением всего сборника. Семь девушек и трое юношей удаляются от зачумлённого города на виллу, находящуюся в окрестностях Флоренции, чтобы приятно провести время в прогулках, играх, танцах, рассказывая друг другу забавные анекдоты, или новеллы. Боккаччо не случайно в мировой литературе будет считаться одним из родоначальников жанра новеллы как малой эпической прозы. Каждый день рассказывается по десяти новелл (по числу участников этой компании), а всего они проводят на вилле десять дней. Отсюда и название сборника «Декамерон» (свободное греческое словообразование, означающее «десятидневник»).

Таким образом, новеллы рассказываются в обстановке своего рода «пира во время чумы». Академик А.Н. Веселовский замечает по этому поводу: «Боккаччо схватил живую, психологически верную черту — страсть к жизни у порога смерти». Вот каким образом Боккаччо описывает флорентийскую чуму, используя текст Фукидида: «Итак, скажу, что со времени благотворного вочеловечения сына божия минуло 1348 лет, когда славную Флоренцию, прекраснейший изо всех итальянских городов, постигла смертоносная чума, которая, под влиянием ли небесных светил, или по нашим грехам посланная праведным гневом Божиим на смертных, за несколько лет перед тем открылась в областях востока и, лишив их бесчисленного коли-

чества жителей, безостановочно подвигаясь с места на место, дошла, разрастаясь плачевно, и до запада. Не помогали против нее ни мудрость, ни предусмотрительность человека, в силу которых город был очищен от нечистот людьми, нарочно для того назначенными, запрещено ввозить больных, издано множество наставлений о сохранении здоровья. Не помогали и умиленные моления, не однажды повторявшиеся, устроенные благочестивыми людьми, в процессиях или другим способом. Приблизительно к началу весны означенного года болезнь начала проявлять свое плачевное действие страшным и чудным образом. Не так, как на востоке, где кровотечение из носа было явным знамением неминуемой смерти, — здесь в начале болезни у мужчин и женщин показывались в паху или подмышками какие-то опухоли, разраставшиеся до величины обыкновенного яблока или яйца, одни более, другие менее; народ называл их *gavoccioli* (чумными бубонами); в короткое время эта смертельная опухоль распространялась от указанных частей тела безразлично и на другие, а затем признак указанного недуга изменялся в черные и багровые пятна, появлявшиеся у многих на руках и бедрах и на всех частях тела, у иных большие и редкие, у других мелкие и частые. И как опухоль являлась вначале, да и позднее оставалась вернейшим признаком близкой смерти, таковым были пятна, у кого они выступали. Казалось, против этих болезней не помогали и не приносили пользы ни совет врача, ни сила какого бы то ни было лекарства: таково ли было свойство болезни, или невежество врачующих (которых, за вычетом ученых медиков, явилось множество, мужчин и женщин, не имевших никакого понятия о медицине) не открыло ее причин, а потому не находило подходящих средств, — только немногие выздоравливали и почти все умирали на третий день после появления указанных признаков, одни скорее, другие позже, — большинство без лихорадочных или других явлений. Развитие этой чумы было тем сильнее, что от больных, через общение со здоровыми, она переходила на последних, совсем так, как огонь охватывает сухие или жирные предметы, когда они близко к нему подвинуты. И еще большее зло было в том, что не только беседа или общение с больными переносило на здоровых недуг и причину общей смерти, но, казалось, одно прикосно-

вение к одежде или другой вещи, которой касался или пользовался больной, передавало болезнь дотрагивавшемуся. Дивным покажется, что я теперь скажу, и если б того не видели многие и я своими глазами, я не решился бы тому поверить, не то что написать, хотя бы и слышал о том от человека, заслуживающего доверия. Скажу, что таково было свойство этой заразы при передаче ее от одного к другому, что она приставала не только от человека к человеку, но часто видали и нечто большее: что вещь, принадлежавшая больному или умершему от такой болезни, если к ней прикасалось живое существо не человеческой породы, не только заражала его недугом, но и убивала в непродолжительное время. В этом, как сказано выше, я убедился собственными глазами, между прочим, однажды на таком примере: лохмотья бедняка, умершего от такой болезни, были выброшены на улицу; две свиньи, набредя на них, по своему обычаю, долго теребили их рылом, потом зубами, мотая их со стороны в сторону, и по прошествии короткого времени, закружившись немного, точно поев отравы, упали мертвые на злополучные тряпки.

Такие происшествия и многие другие, подобные им и более ужасные, порождали разные страхи и фантазии в тех, которые, оставшись в живых, почти все стремились к одной, жестокой цели; избегать больных и удаляться от общения с ними и их вещами; так поступая, воображали сохранить себе здоровье. Некоторые полагали, что умеренная жизнь и воздержание от всех излишеств сильно помогают борьбе со злом; собравшись кружками, они жили, отделившись от других, укрываясь и запираясь в домах, где не было больных и им самим было удобнее; употребляя с большой умеренностью изысканнейшую пищу и лучшие вина, избегая всякого излишества, не позволяя кому бы то ни было говорить с собою и не желая знать вестей извне — о смерти или больных, — они проводили время среди музыки и удовольствий, какие только могли себе доставить. Другие, увлеченные противоположным мнением, утверждали, что много пить и наслаждаться, бродить с песнями и шутками, удовлетворять, по возможности, всякому желанию, смеяться и издеваться над всем, что приключается — вот вернейшее лекарство против недуга. И как говорили, так, по мере сил, приводили и в исполнение, днем

и ночью странствуя из одной таверны в другую, выпивая без удержу и меры, чаще всего устраивая это в чужих домах, лишь бы прослышали, что там есть нечто им по вкусу и в удовольствии. Делать это было им легко, ибо все предоставили и себя и свое имущество на произвол, точно им больше не жить; оттого большая часть домов стала общим достоянием, и посторонний человек, если вступал в них, пользовался ими так же, как пользовался бы хозяин. И эти люди, при их скотских стремлениях, всегда, по возможности, избегали больных. При таком удрученном и бедственном состоянии нашего города почтенный авторитет как божеских, так и человеческих законов почти упал и исчез, потому что их служители и исполнители, как и другие, либо умерли, либо хворали, либо у них осталось так мало служилого люда, что они не могли отправлять никакой обязанности; почему всякому позволено было делать все, что заблагорассудится».

Но перед нами, скорее, не свидетельские показания, а литературная мистификация, хотя и очень выразительная. Картины же реальной катастрофы, обрушившейся на Европу, были куда драматичнее. Мы знаем о них по сохранившимся хроникам, по монастырским записям. Вот как картину чумы середины XIV века воссоздаёт американский историк Б. Такман: «В сентябре 1347 года в Мессину, порт на Сицилии, пришли генуэзские торговые корабли с уже умершими или умирающими матросами. Генуэзцы приплыли из Кафы (нынешней Феодосии), где у них находился опорный торговый пункт. У умирающих моряков подмышками и в паху были странные опухоли (бубоны) размером с яйцо, из которых сочилась кровь с гноем, а их кожа была покрыта фурункулами и темными пятнами. Вскоре от этой болезни слегли и другие люди». Здесь следует отметить, что данную эпидемию можно рассматривать как факт первой биологической атаки, которую предпринял хан Джанибек против жадных и корыстных генуэзцев, покупавших детей монголов с целью работорговли у голодающих монголов. А голодать монголы начали потому, что татарские кочевья постиг джуд (гололедица). Так об этом пишет историк Л.Н. Гумилёв, следуя своей теории этногенеза и общей концепции Вернадского о ноосфере. Противостояние, — по мнению историка, — вылилось в открытую войну хана Джанибека с генуэзцами по-

сле того, как татарские кочевья постиг джуд (гололедица). Скот падал, люди голодали, и, спасаясь от голода, татары продавали сыновей и дочерей генуэзцам. Генуэзцы с удовольствием скупали девочек и мальчиков в чайнии высоких барышей. Узнав об этом, Джанибек страшно возмутился: по татарским понятиям, можно и нужно было стремиться к получению военной добычи, но наживаться на несчастье соседа считалось аморальным. Войска Джанибека осадили сильную генуэзскую крепость Кафу. Поскольку генуэзцы имели флот, а татары — нет, крепость была для них практически неприступна. И тогда Джанибек приказал забросить катапультой в крепость труп умершего от чумы человека. Труп перелетел через стену и разбился. Естественно, в Кафе началась чума. Генуэзцы вынуждены были оставить Кафу, и уцелевшая часть гарнизона отправилась домой.

По дороге покинувшие Кафу остановились в Константинополе — чума пошла гулять по Константинополю и пришла в Европу. В это же время происходила миграция с востока на запад азиатской землеройной крысы-пасюка. Поскольку крысы — это переносчик чумы, «черная смерть» поползла по всей Западной Европе. Тогда вымерла большая часть Южной Италии, три четверти населения Германии, около 60 % населения Англии.

Возбудитель чумы был открыт в 1894 году в начале 3-й пандемии, начавшей свое опустошительное шествие по миру из китайского сектора Taipingshan в Гонконге, заселенного иммигрантской беднотой, где «лицом» городского быта были перенаселенность, голод, грязь, тухлая вода, иными словами — нищета и полная антисанитария. И уже через пять лет после этого открытия Д.К. Заболотный (1899 г.) предположил, что «...различные породы грызунов, по всей вероятности, представляют в природе ту среду, на которой сохраняются чумные бактерии». Тем самым еще в конце XIX века стал закладываться фундамент будущей теории природной очаговости чумы во всей палитре ее оттенков, ставшей позднее научной основой для познания этой «контагиозной заразы», жертвами которой с самых древних времен по разным оценкам стали до 200 млн. человек. Особенно велики были жертвы в Средневековье. Католическая молитва-заклинание: «A peste, fame, bello libera nos Domine!» (От чумы, голода, войны избавь